

Мэри замерла и, притворившись удивленной, спросила:

— Никаких?

— Никаких, — покачал он головой. — Они опираются на улики, на показания, на логику. Но им никогда не приходило в голову, что оставленный человеком след может быть уникальным. Что его невозможно подделать. Что он может быть куда более надежным доказательством, чем любые слова.

Он сделал небольшую паузу.

— История, которую ты написала, умнее всех их книг.

Мэри стояла на месте, а ее сердце стучало так громко, будто готово было выпрыгнуть из груди.

— Правда?

— Правда.

Мистер Беннет протянул руку и положил ей на плечо. Его ладонь легла легко, но уверенно.

— Я не знаю, как тебе всё это пришло в голову, — произнес он. — Но я хочу, чтобы ты знала: это одна из лучших историй, что я читал. Не какая-нибудь детская сказка для девятилетки, а настоящая история. История, написанная кем угодно, которую я бы все равно счел прекрасной.

Глаза Мэри внезапно увлажнились.

Она опустила голову и потерла уголки глаз тыльной стороной ладони.

— Спасибо вам, — глухо произнесла она.

Мистер Беннет не стал говорить ничего больше. Он похлопал ее по плечу, развернулся и ушел.

Сделав несколько шагов, он снова остановился и оглянулся.

— О чем ты собираешься писать дальше?

Мэри подняла голову и посмотрела на него.

— Второе дело Фрэнсис Уолстоун, — ответила она.

Он кивнул.

— Как допишешь — дай почитать.

В тот вечер Мэри лежала в постели, прижимая стопку рукописей к груди.

Она не могла уснуть.

У отца были красные глаза. Он сказал, что перечитал ее три раза. Он сказал, что это одна из лучших историй, которые он читал. Он сказал: как допишешь — дай почитать.

Она перевернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку.

Подушка намокла от небольшого пятнышка слез.

Не от грусти.

От чего-то совсем другого.

Она закрыла глаза.

Фрэнсис Уолстоун.

Второе дело.

Она уже обдумывала вторую главу второй части.

Собрание дел Фрэнсис Уолстоун, том второй.

Температура в леднике.

В январе 1818 года на Лондон обрушилась самая холодная зима за последние тридцать лет.

Темза покрылась льдом, древесный уголь на рынках подорожал вдвоем, а бедняки жались у печурок, укутываясь во всё, что удавалось найти. На мансарде Фрэнсис Уолстоун стоял мороз, не уступающий леднику; завернувшись в старую шаль, она едва могла удержать занемевшими пальцами перо и перед началом письма подогревала чернила над пламенем свечи.

Стук в дверь раздался в тот момент, когда она согревала дыханием замерзающие чернила.

На пороге стоял молодой человек лет двадцати, одетый в тонкое суконное пальтишко; его лицо покраснело от холода, а губы посинели. Он стоял перед ней, весь дрожа — то ли от стужи, то ли от страха.

— Мисс Уолстоун? — спросил он.

— Я.

— Они... они говорят, что вы можете помочь, — его зубы стучали. — Я... я больше не знаю, к кому обратиться.

Фрэнсис отступила в сторону, пропуская его внутрь.

Юноша опустился на единственный стул в комнате, двумя руками обхватив поданную ему кружку с горячей водой, и долго молчал. Его руки так сильно дрожали, что часть воды проплеснулась на пол и мгновенно высохла — в комнате стоял такой жуткий холод, что на полу не задерживались даже капли.

— Рассказывайте не спеша, — Фрэнсис присела на край кровати, дожидаясь его слов.

Его звали Томас Блэк, он работал подмастерьем на Мясном рынке Смитфилд. Сегодня утром его хозяин, мясник по имени Исаак Гроув, был найден мертвым в собственном леднике.

— Они говорят, что это я убил его, — голос Томаса тонул в кружке. — Говорят, убийца я.

— С чего они это взяли?

Томас поднял голову, его глаза были сплошь иссечены красными прожилками.

— Потому что вчера после полудня мы поругались. Я при всем рынке назвал его кровопийцей за то, что он урезал мне жалованье. Потому что... — его голос сорвался, — потому что от ледника всего два ключа: один у него, второй у меня.

Фрэнсис ничего не ответила.

— Меня схватила полиция, едва я появился сегодня утром на рынке, — продолжал Томас. — Они заявляют, что Гроув умер прошлым вечером прямо в леднике, ключ лежал у него в кармане, а дверь была заперта снаружи — и запереть ее мог только я. Они утверждают, что я убил его, запер дверь, а потом притворился, будто только что пришел.

— А ты запирал?

— Нет! — Томас резко вскочил на ноги. — Я не убивал его! Вчера после полудня, как только мы полаялись, я ушел к себе домой и за весь вечер носу не казал! Мой хозяин квартиры может подтвердить!

Фрэнсис пристально посмотрела на него.

— Что говорит полиция?

— Полиция заявляет, что раз хозяин мне родня, его словам верить нельзя, — Томас снова опустился на стул, съежившись в комок. — Говорят, все слышали, как я его ругал, у меня был ключ, я ненавидел его — они уверены, что это сделал я.

Фрэнсис на мгновение умолкла.

— А ледник, — спросила она, — насколько он холодный?

Томас растерялся, не понимая к чему этот вопрос.

— Холодный, — ответил он. — Очень холодный. Гроув хранит там мясо, зимой там холоднее, чем на улице. Мясо месяцами не портится.

— Насколько холоднее, чем на улице?

— Точно не скажу... но каждый раз, заходя туда, чувствуешь, что пробирает сильнее, чем на улице. Наверное... наверное, вдвое холоднее?

Фрэнсис кивнула и поднялась.

— Пойдемте.

— Куда?

— Посмотрим на этот ледник.

Мясной рынок Смитфилд располагался на севере Лондона, и ранним утром там уже вовсю кипела жизнь. Но сегодня царила совсем иная атмосфера: люди сбивались в кучки, полушепотом что-то обсуждая, и когда заметили идущего в сопровождении женщины в стареньком платье Томаса, тут же устремили на них любопытные взгляды.

Ледник находился в самом дальнем углу рынка — это было приземистое каменное здание без окон, с единственной массивной деревянной дверью. Возле входа дежурили двое полицейских, а также кружил взад-вперед мужчина средних лет в черном пальте.

Томас тихонько шепнул:

— Это брат Гроува, Сайлас. Мясник с другого конца рынка.

Фрэнсис бросила взгляд на мужчину. Тот был невысок, но крепок сложением, и мышцы на руках натягивали ткань пальто. Заметив Томаса, он тут же помрачнел.

— Ты чего притащился? — подступая к ним и преграждая путь к леднику, бросил он. — Я-то думал, твои сказки про сыщика — просто повод заставить родственничков отдуваться за тебя?

— Это я привела его сюда, — произнесла Фрэнсис.

Только теперь Сайлас обратил на нее внимание. Он окинул ее быстрым взглядом с головы до ног — потрепанное платье, потертая по краям шаль, покрасневшее от мороза лицо — и в его глазах отчетливо промелькнуло презрение.

— Ты еще кто такая?

— Меня зовут Фрэнсис Уолстоун.

— Впервые слышу, — Сайлас сплюнул в сторону. — Чего бабам тут крутиться? Тут убийство расследуют, а не кудахчут базарные куры.

Фрэнсис оставила его слова без ответа. Повернувшись к стражам порядка, она произнесла ровным голосом:

— Меня нанял Томас Блэк. Я хочу взглянуть на ледник.

Полицейские переглянулись. Тот, что постарше, пожал плечами:

— Глядите, раз охота, всё равно смотреть там особо не на что.

Сайлас попытался было заступить дорогу, но блюстители порядка уже отступили. Фрэнсис толкнула тяжелую деревянную створку и вошла внутрь.

В леднике царил полумрак, освещаемый лишь полоской света от открытой двери. Постояв на пороге, пока глаза привыкнут к темноте, она шагнула вперед.

Тело Гроува уже унесли, но на полу остался меловой контур человеческой фигуры. Ледник оказался небольшим; по четырем стенам тянулись железные крюки, на которых всё еще висели туши свиней и говядины. Мясо промерзло насквозь до каменного состояния, а сверху покрылось белесой изморозью.

Холод.

Поистине собачий холод.

Гораздо сильнее, чем на улице.

Постояв немного внутри и ощущая, как стужа подступает со всех сторон, Фрэнсис подняла глаза на мерзлые туши, опустила взгляд на контур на полу, а затем повернулась и вышла наружу.

— Ну что? — скрестив руки на груди, издевательски протянул Сайлас. — Разглядела что-нибудь? Сразу поняла, что это мой племянничек злодей?

Фрэнсис пропустила его слова мимо ушей. Подойдя к Томасу, она тихо спросила:

— Когда ты видел его в последний раз?

— Вчера после полудня, — ответил Томас. — Как разругались, так я и ушел. Часов в... в четвертом примерно?

— А сегодня во сколько пришел на рынок?

— Около шести. Еще до рассвета.

Фрэнсис кивнула. Снова повернувшись к полицейским, она поинтересовалась:

— Когда обнаружили тело Гроува?

— Сегодня утром, в половине седьмого, — ответил старший из них. — Подмастерье пришел открывать лавку и сразу наткнулся на него.

— В каком состоянии находилось тело, когда его нашли?

Полицейский опешил:

— В каком... в каком состоянии?

— Оно окоченело? Или было мягким?

Стражи порядка снова переглянулись. Младший поскреб в затылке:

— Э... да кто ж на это смотрит?

Старший нахмурился, силясь вспомнить:

— Вроде как... твердое? Во всяком случае, когда поднимали, было дубовое, не особо поддавалось.

Больше Фрэнсис ничего не спрашивала.

Она стояла неподвижно, глядя на массивную дверь ледника.

Наконец она произнесла:

— Томас Блэк не убийца.

Лицо Сайласа мгновенно побагровело:

— Ты что несешь?

— Я говорю, что он не убийца, — Фрэнсис повернулась к нему, не повышая голоса. — Потому что время не сходится.

— Какое время? Он убил его прошлым вечером, запер дверь, а сегодня утром прикинулся, будто только явился — почему это время не сходится?

Фрэнсис не стала отвечать напрямую. Указав на дверь ледника, она спросила:

— Вы знаете, насколько холодно внутри?

Сайлас замялся:

— Еще бы. Мой брат владел этим ледником двадцать лет, с чего бы мне не знать?

— Насколько холоднее, чем на улице?

— Зимой... да раза в полтора холоднее, чем снаружи. Бывает, на улице лужи затянуты ледком, а мясо в леднике так промерзает, что топор не берет.

Фрэнсис кивнула.

— Если человек умирает в столь жутком холоде, — заговорила она, — что происходит с его телом?

Сайлас открыл рот, но не нашелся с ответом.

Фрэнсис продолжила:

— При обычной температуре после смерти тело остывает примерно на один градус в час. Но в леднике, где в полтора раза холоднее, чем на улице, остывание идет намного быстрее. Если Гроув скончался вчерашним вечером, то к половине седьмого сегодняшнего утра он пролежал в этом морозильнике не менее двенадцати часов. Двенадцать часов в таком холоде — в каком состоянии должно быть его тело?

Она посмотрела на полицейских.

— Вы сказали, что поднимали его, и оно было «дубовым». Но оцепенение бывает двух видов: трупное окоченение вскоре после смерти и полная заморозка до состояния ледышки. Температура у этих двух видов окоченения разная.

Она подошла вплотную к Сайласу и заглянула ему в глаза.

— Тело вскоре после смерти пусть и жесткое, но на ощупь остается теплым. Промерзшее насквозь тело на ощупь ледяное. Когда вы поднимали его, оно было теплым или ледяным?

Лицо Сайласа изменилось.

Полицейские растерянно переглянулись. Старший почесал затылок, силясь сообразить:

— Да вроде... прохладное? Я точно не поручусь...

— Прохладное или ледяное?

— Ну... прохладное, наверное? Я и сам не разберу...

Фрэнсис кивнула.

— Тогда позвольте задать вопрос иначе, — произнесла она. — Когда вы поднимали его, тело гнулось?

Младший полицейский оживился:

— Нет! Когда поднимали, оно было дубовым, ноги вообще не сгибались, прямо как полено.

— Это значит, что труп замерз, — пояснила Фрэнсис. — Окочение через несколько часов после смерти позволяет согнуть конечности, пускай и с преодолением сопротивления. Совершенно не гнутся, словно деревянные, только насквозь замороженные тела.

Она повернулась лицом к дверям ледника.

— Если бы Гроув умер вчера вечером и пролежал в леднике всю ночь, сегодня утром его тело было бы ледяным, каменным и абсолютно негнущимся. Но вы сами только что сказали, что оно было «дубовым», однако толком не помните — прохладным или ледяным. Это обстоятельство само по себе о многом говорит.

— О чем же? — голос Сайласа звучал уже не так уверенно.

— О том, что вы вовсе не обратили внимания на его температуру. Потому что в тот момент она еще не опустилась до степени «необычной». Иными словами, время его смерти в леднике наступило гораздо позже вчерашнего вечера.

Она сделала небольшую паузу.

— Не вчера вечером. Сегодня под утро.

У входа в ледник воцарилась тишина.

Сайлас стоял неподвижно, выражение его лица менялось с каждой секундой. Двое полицейских растерянно переглядывались, не зная, что ответить.

Томас ошеломленно смотрел на Фрэнсис, и в его глазах постепенно загоралась надежда.

— Значит... значит, я...

— Ты пришел на рынок только сегодня около шести утра, — произнесла Фрэнсис. — Если Гроув умер глубокой ночью, ты никак не мог его убить.

— Но... — подал голос молодой полицейский. — Но ведь дверь была заперта снаружи. Ключ лежал у него в кармане. Если не Томас запирает, то кто?

Фрэнсис не ответила. Она перевела взгляд на Сайласа.

— Вы только что сказали, что этот ледник работает уже двадцать лет.

Сайлас кивнул.

— Скажите, кроме этих двух ключей, — она кивнула в сторону Томаса, — есть ли еще способ запереть дверь?

Лицо Сайласа резко побелело.

— Есть, — выдавил он едва слышным шепотом. — Замок старый. Если прикрыть дверь изнутри и сильно толкнуть, защелка срабатывает сама. Снаружи кажется, что дверь заперта на замок.

— То есть для запираения ключ вовсе не нужен.

Сайлас смолчал.

Фрэнсис пристально смотрела на него.

— Вы видели своего брата вчера вечером?

Сайлас отступил на шаг.

— Я... я видел его днем...

— А сегодня утром? Во сколько вы пришли на рынок?

— Я... тоже около шести...

— Раньше Томаса или позже?

Сайлас умолк.

Фрэнсис повернулась к полицейским, и голос ее звучал всё так же спокойно:

— Я советую вам расспросить его, видел ли кто-нибудь на рынке, когда он появился здесь сегодня утром. А заодно спросить, почему он так торопился объявить Томаса убийцей собственного брата.

Лицо Сайласа сделалось белым как бумага.

— Ты... что ты хочешь сказать?

Фрэнсис промолчала. Она просто смотрела на него холодным, отрешенным взглядом, наотмашь лишенным каких-либо эмоций.

Этот взгляд пугал сильнее любых обвинений.

Три дня спустя Томас навестил мансарду Фрэнсис.

На нем было то же суконное пальтище, но лицо уже не дрожало от страха. Стоя на пороге, он держал в руках увесистый кусок мяса, завернутый в пергамент.

— Я откладывал деньги, чтобы купить его, — он протянул сверток вперед. — Самая лучшая говядина. Вы должны ее взять.

Фрэнсис бросила взгляд на мясо, не делая попытки протянуть руку.

— Дело закрыто?

— Закрыто, — глаза Томаса покраснели. — Сайлас во всем сознался. Они с Гроувом вечно враждовали — ледник достался им от отца, и по справедливости братьям полагалось делить его пополам, но Гроув прибрал всё к рукам, отстегивая ему лишь грошовую аренду. В тот вечер он снова пришел к брату ругаться, вспыхнула ссора, он толкнул Гроува, и тот угодил головой прямо в железный крюк.

Он сглотнул слюну.

— Опомнившись от страха, он затащил Гроува в ледник и прихлопнул дверь снаружи — он-то знал, что замок защелкивается без ключа. Он рассчитывал, что из-за холода за ночь тело задубеет, и все подумают, будто Гроув сам забрел туда и замерз насмерть. Откуда ему было знать, что тот умер от удара о крюк, и что труп расскажет правду о времени смерти?

Фрэнсис ничего не ответила.

— Полицейские сказали, что не укажи вы на несостыковку во времени, меня бы... — его голос

сорвался, — меня бы...

Он стоял перед ней, шевеля губами, а затем просто протянул кусок мяса чуть ближе.

— Умоляю, возьмите. Я больше ничем не могу вас отблагодарить.

Фрэнсис некоторое время молча смотрела на мясо.

Затем она протянула руку и приняла подарок.

— Спасибо.

Томас улыбнулся. Это была самая чистая улыбка из всех, что ей доводилось видеть.

Проводив его взглядом, Фрэнсис положила мясо на стол и встала у окна, наблюдая, как его фигура скрывается в конце лестницы.

По-прежнему стоял жуткий холод.

Но мясо в ее руке еще хранило тепло.

В тот вечер Мэри записала финальную фразу этой истории:

— Фрэнсис стояла у окна, провожая взглядом удаляющегося юношу. Она знала, что отныне он будет верить лишь в одно: в этом мире все еще есть те, кому небезразлична правда.

Она отложила перо и окинула взглядом исписанные листки.

Отец сказал, что это одна из лучших ее работ.

И сама она чувствовала, что эта история вышла сильнее первой.

Не потому, что расследование оказалось закрученнее, а потому, что вид юноши, стоявшего на пороге с куском мяса в руках, заставил ее вспомнить кое о чем другом. Глава пятнадцатая.
Томасон

В то утро за завтраком Мэри прижимала к груди пачку свежих рукописей, а ее сердце билось чаще обычного.

Мистер Беннет сидел на другом конце стола, уткнувшись в газету. Время от времени он прихлебывал чай из чашки, переворачивал страницу, и на его лице не отражалось ни единой эмоции. Солнечные лучи пробивались сквозь окно, падая на газетный лист, на его пальцы и на потертую, засиженную до блеска старую чайную чашку.

Миссис Беннет по обыкновению ворчала:

— Чай сегодня недостаточно горячий, кухарка совсем от рук отбилась. Джейн, у тебя какой-то нездоровый вид, опять сидела за полночь? Элизабет, доешь сначала кашу, прежде чем в книгу пялиться. Китти, перестань макать хлеб в молоко! Лидия, сиди прямо...

Мэри не услышала ни единого слова.

Ее глаза то и дело украдкой косились в сторону отца.

Когда же он наконец доест? Когда поднимет на нее взгляд? Вдруг он забыл вчерашние слова? Или у него сегодня просто пропало настроение читать?

В ее голове роилась сотня мыслей, вилка в руке бессмысленно ковыряла кусочек бекона, так и не донося еду до рта.

— Мэри, — раздался вдруг голос миссис Беннет. — Что с тобой сегодня? Ты только и делаешь, что тыкаешь вилкой в тарелку, не хочешь есть — так не мучайся.

Мэри вздрогнула, подняла голову и обнаружила, что все смотрят на нее.

В глазах Джейн читалась легкая тревога. Элизабет слегка изогнула бровь, а угол ее рта тронула полуулыбка. Китти и Лидия хихикали напротив.

Мистер Беннет тоже поднял глаза и посмотрел на нее.

— Зайдешь ко мне в кабинет, как доешь, — он отложил газету, поднялся и вышел.

Мэри замерла на месте, а затем отчаянно закивала — хотя он стоял к ней спиной и вовсе не мог этого видеть.

<http://bllate.org/book/22034/2290818>